

45

*Пушкин. Автопортрет на листе
с «Эскизами лиц, замечательных по 14 Декб. 825 года».
Тригорское. Июль-август 1826*

Александр ПУШКИН

ГЛАВА

«ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

Версификация и комментарии

Андрея Чернова

**СП6
2013**

Х глава проиллюстрирована рисунками Пушкина:

- I* строфа — Александр I
II — Петр I под Полтавой (новая атрибуция)
III — Наполеон
IV — палаши и пистолет
V — раб на черновике «Анчара»
VI — сапог со шпорой
VII — птичка-арабеска и молодой Николай I
VIII — молодой Наполеон и Вольтер
IX — князь Александр Ипсиланти (и падающий нож гильотины)
X — Александр I (херувим с почтовым рожек) и граф Аракчеев
XI — Павел I и Медный всадник без всадника
XII — топоры и плаха на копье
XIII — улыбающийся автопортрет
XIV — «Осторожный» Илья Долгоруков (новая атрибуция) и «беспокойный» Никита Муравьев (арзамасское прозвище Адельстан, т. е. Статный Лебедь)
XV — Михаил Лунин, Иван Якушкин, Николай Тургенев
XVI — сверху Пестель, в середине листа генерал Николай Николаевич Раевский-старший. В нижнем ряду: Петр Каховский, Михаил Бестужев-Рюмин (новая атрибуция), Сергей Муравьев-Апостол в петле
XVII — Кондратий Рылеев и постаревший Александр I (новая атрибуция)

Подробнее см. Р. Г. Жуйкова. Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. СПб, 1996.

На обложке: Александр Куницын роняет слезу над головой Александра Пушкина. Рисунок 1836 г.

«ШИШ ПОТОМСТВУ!»

Отказ от мистификации

...Предлагаемый читателю текст сожженной главы «Евгения Онегина» обнаружен нами в тайнике одного из петербургских особняков (так называемом «Доме Лукини») в 1980 году.

Начальная его расшифровка была опубликована в первой книжке журнала «Знамя» за 1987 год. Предисловие к этой публикации написал Давид Самойлов. Следующий, несколько уточненный вариант главы, появился в одном из номеров полуподпольной демократической газеты «Невский курьер» (Ленинград, 19 марта 1990 г.). Третий, существенно отличающийся от предыдущих, издан уже в Петербурге (№ 4 журнала «Русская виза», осень 1994 г.). Четвертый – в московской «Новой газете» (№ 22) летом 1998 г. Пятая (я наивно полагал, что окончательная) редакция вышла отдельной книжкой в Иркутске в 1999 г. Шестая в моей книжке «Длятся ночи декабря» (СПб, 2004 и 2008).

Строки и слова, выделенные полужирным прямым шрифтом, дошли в виде пушкинского шифра или в черновых записях, и известны российскому читателю уже около века. Полужирным курсивом выделены стихи, заимствованные из других стихотворных произведений Пушкина.

Седьмой и восьмой стихи IV строфы прочтены по моей просьбе Давидом Самойловым, пятый и шестой

стихи V строфы Александром Анно, а седьмой стих XI строфы Олегом Хлебниковым.

Седьмой стих X строфы «Ты, А. холоп» традиционно расшифровывается «Ты, Александровский холоп», но если речь здесь о народе, то, очевидно, читать надо «Ты, Аракчеевский холоп».

Четвертый стих XIII строфы был угадан историком Д. Н. Альшицем еще в середине XX века.

В строфе XVI третье слово десятого стиха и первое слово тринадцатого стиха разобраны по ранее известному черновику Пушкина.

Еще справка: «Дом Лукини» — Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Тайник в нем — комната-сейф, бывшая золотая кладовая таможи, для которой архитектор И. Ф. Лукини в пушкинское еще время и возвел это здание на Малой Неве у стрелки Васильевского острова. Здесь до недавнего времени хранились пушкинские рукописи (теперь они переведены в отдельный флигель во дворе Пушкинского Дома).

В этой комнате в советское время рифмы сами лезли на ум.

А. Ч.

Р. С. Таким могло быть послесловие, если б мы поставили себе целью изготовить подделку, или, как говорили в позапрошлом веке, — пастиш X главы «Евгения Онегина».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ

Всем известно, что X главу «Евгения Онегина» Пушкин уничтожил, оставив только зашифрованные четверостишия. Видимо, для памяти. Эта глава считается безвозвратно утерянной, и пока не найдено никаких свидетельств о том, что она существует в каком-нибудь списке. В 50-е годы появилась публикация X главы, якобы обнаруженной историком Д. Альшицем, довольно правдоподобно объяснявшем обстоятельства гибели будто бы найденного им оригинала. Ни один серьезный литературовед не поверил в подлинность текста. Даже формальный анализ лексического материала, рифм и ритма явно показывал, что параметры их резко отличаются от пушкинских. Не говоря уже о художественном уровне строк, принадлежащих фальсификатору.

Предлагаемая ниже публикация текста X главы не фальсификация, а попытка реставрации. Об этом открыто заявляет поэт Андрей Чернов.

Когда дело касается Пушкина, у нас появляется естественное желание восстановить утраченное в его текстах, в его общении, в его биографии. Такого рода реставрацией с большим или меньшим успехом занимались многие наши литературоведы и романисты. Естественно поэтому намерение поэта и пушкиниста Андрея Чернова представить себе ход пушкинской мысли

в X главе и провести линию там, где сохранились одни точки. Автор реконструкции много лет серьезно изучал сохранившиеся тексты X главы, структуру стиха поры ее создания, исторические обстоятельства, лежащие в ее основе, свидетельства, относящиеся к истории онегинского текста, и многое другое, включая биографии тех, кто упомянут в пушкинских строчках, и взгляд Пушкина на них.

Я наблюдал разные этапы работы Андрея Чернова, ее постепенное совершенствование. Эта работа кажется мне глубоко обоснованной, интересной, работой высокого поэтического качества. Автор реконструкции успешно доказывает, что сохранившиеся фрагменты являются частью единого художественного целого. Он, возможно, верно угадывает ход поэтической мысли Пушкина.

Приведу примеры новых убедительных прочтений. Читалось «Ты, Александровский холоп», то есть Аракчеев. Исследователь предлагает «Ты, Аркачеевский холоп» — народ. Читалось «И рать Волконский набирал...» или ниже «И полон дерзости и сил...», предлагается «И рать Раевский набирал...», «Напором дерзости и сил...» Это ближе к пушкинской манере выражения.

Уверен, что современному читателю будет интересна эта талантливая и содержательная работа. Она открывает путь для дальнейших попыток разгадать поэтическую тайну X главы.

Давид Самойлов
«Знамя», № 1, 1987

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

ГЛАВА

*Полужирным шрифтом выделен пушкинский текст X главы.
Полужирным курсивом — пушкинские строки из других произведений*

I

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щёголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.
К противочувствию привычен,
В правах удавкой ограничен,
Лозой отеческой крещён
И барабаном просвещён,
Он как противник изуверства
Припудрил прежний произвол
И перестройку произвёл –
Ввёл эполеты, министерства,
Тьму комитетов учредил,
А фран-масонов запретил.

II

Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра,
И чашу бранного позора
При окропленьи договора
Царь за своих учителей
Пил на глазах Европы всей.
Беславья мутная година,
Предрассужденья пелена –
Тильзит! – тобой затенена
Громов полтавских годовщина.
Ужель француз неуязвим,
И мы спасуем перед ним?

III

Гроза Двенадцатого года
Настала. Кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима, иль Русский Бог?
Ревнивый ропот ополченья
(Пример общественного мненья)?
Моления монастырей?
Пожар Москвы? *Ennui** степей?
Иль неуступчивый Кутузов,
Стерпевший при Бородине,
Чтоб наконец к Березине
По-свойски проводить французов,
Хотя казалось им — вот-вот
Колосс качнувшийся падёт.

* Тоска (*фр.*)

IV

Но Бог помог. Стал ропот ниже.
И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже,
А русский царь — главой царей.
И что же? Падшая столица
Не почернела, как вдовица.
*Не сокрушили алтари
Российские богатые.*
Обозов не обременяя,
Чредою триумфальных врат
Несли натруженный булат,
Освобожденье предвкушая.
И милость царскую потом
Заели барским пирогом.

V

**И чем жирнее, тем тяжеле.
О русский глупый наш народ,
Скажи, зачем ты в самом деле
И впрямь свободен без свобод?
*Где были русские палатки,
Там будут русские порядки.*
Куда ж влачишь ты свой ярем
От бунта к бунту? И зачем?
Ответь, каким ещё кумирам
Незнаемым — под плеть и нож
Приплод обильный принесёшь?
Что движет православным миром,
Вертя несмазанную ось?
И точно эхо донеслось:**

VI

Авось!.. О Шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил,
Но стихоплёт великородный
Меня уже предупредил.
Вернулась Франция к Бурбону.
Моря достались Албиону,
Свобода — ляху. Ну а нам —
Восторг провинциальных дам
Да дидактические оды.
Авось, когда-нибудь потом
Вослед иным и мы войдём
Под свод пленительной свободы,
И просвещения венец
На нас натянут, наконец.

VII

Авось, аренды забывая,
Ханжа запрётся в монастырь;
Авось, по манью Николая
Семействам возвратит Сибирь...
Кого *по случаю* представят;
Авось, дороги нам исправят;
Авось, цензуре надоест
Охота к перемене мест;
Авось, раба возлюбит барин;
Авось, газетный патриот
Сам за собою подотрёт;
Булгарин станет невульгарен...
Авось, — про то слыхали вы —
Не тронет матушки-Москвы

VIII

Сей муж судьбы, сей странник бранный,
Пред кем унизились цари,
Сей всадник, Папою венчаный,
Исчезнувший как тень зари,
Осмеян прозвищем героя,
Измучен казнию покоя,
Встречая пенные валы
Рукоплесканий и хулы,
Не будучи питомцем Феба,
Угас, прикованный к скале,
Как тот, кто даровал земле
Огонь, похищенный у неба.
Над бездной, новый Робинзон,
Он слушал гул иных времён.

IX

**Тряслися грозно Пиренеи,
Волкан Неаполя пылал,
Безрукий князь друзьям Морей
Из Кишинева уж мигал.**
Бурбон сменил обивку трона.
Кинжал Лувеля, тень Бертона,
Кортесов пылкая картечь
Могли бы нас и остеречь...

.....
.....
.....
.....
.....
.....

Х

– Я всех уйму с моим народом! –
Наш царь в Конгрессе говорил,
И на Европу мимоходом
Лорнет ревнивый наводил*.
Дивись, народ! Монарх кочует,
А про тебя и в ус не дует.
Ты, Аракчеевский холоп,
Стал попечителем Европ.
В Литве, Эстляндии и Польше
Ты чуткий страж чужих свобод,
Законодатель зимних мод...
А зимы русские всё дольше.
Уймёшь Варшаву и Париж,
Но Царство Божие проспишь.

* Вариант:
Но был обижен мимоходом,
И восвосяи укатил.

XI

**Потешный полк Петра Титана,
Дружина старых усачей,
Предавших некогда тирана
Свирепой шайке палачей,
Жестокосердного паяца
Изгнав с Семёновского плаца,
Не погуляли от души –
Вложили в ножны палаши.
В молчании – за ротой рота –
Сойдя отхлынувшей волной,
Серошинельною рекой
Втекли в тюремные ворота.
И приказали запирать.
Своих Бастилий нам не брать.**

XII

Россия присмирела снова,
И пуще царь пошёл кутить,
Но искра пламени инова
Уже издавна, может быть,
Под пеплом вольности роптала,
Воображенье распаляла,
Выстреливая угольком –
То каламбуром, то стихом.
Заря гражданского пожара
Восходит с запада не вдруг –
Тиран забудет свой испуг,
Гонимых публицистов пара
В срок растолкают школяра,
Тот – воина... *Et cetera.*

XIII

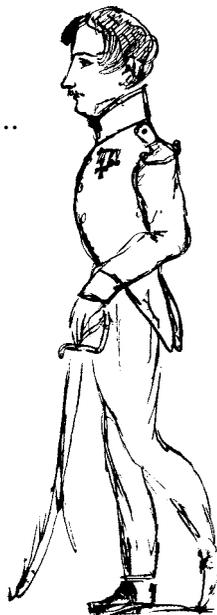
У них свои бывали сходки.
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки
Судили труд Карамзина
С патриотических позиций.
Славянский Брут румянолицый
Залог спасения страны
Обрёл в преданьях старины.
И находя немало смысла
В устройстве древнем, вечевом,
Он славил Новгород, а в нём
Не Рюрика, но Гостомысла.
А боле прочих был любим
Поборник вольности Вадим.

XIV

Витийством резким знамениты
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи,
И в рассуждении свободном
Об управлении народном
Они ценили выше слов
Резон отточенных штыков,
Но Робеспьерово наследство
Их не смущало потому,
Что просвещённому уму
Дано ж избрать и цель, и средство...
И русских правд неверный рой
Уже кружился над Невой.

XV

Друг Марса, Вакха и Венеры
Им дерзко Луний предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноэли Пушкин.
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал,
И цепи рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

XVI

Так было над Невою льдистой,
Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела иные уж пошли.
Там Пестель медлил, выжидая,
И рать Раевский набирал,
Холоднокровный генерал,
И Муравьев, его склоняя,
Напором дерзости и сил
Минуту вспышки торопил.

XVII

**Сначала эти заговоры
Между Лафитом и Клико,
Лишь были дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука.
Все это было только скука,
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов.
Но рок над ветряной Украиной,
Казалось, в пику шалунам
Уже вязал узлы к узлам,
И постепенно сетью тайной
Мятеж Россию оплетал.
Наш царь дремал...**

<1829-1830>

1980 – 25 октября 2013

СЛАВНАЯ ХРОНИКА

Путеводитель

Вяземский, остроумно назвавший X главу «славной хроникой», все же не вполне прав. Перед нами не просто «хроника», но пушкинский анализ европейского исторического процесса первой четверти XIX столетия.

По Пушкину декабризм порожден социальными катаклизмами, прокатившимися по Европе после Французской революции. Наполеоновские войны и Двенадцатый год – такие же звенья всевропейской тектоники, как пиренейская революционная тряска, незримое извержение «вулкана Неаполя» и революция в Греции. А заканчивается эта эпоха Сенатской площадью.

Вот логика развития Десятой главы:

I – ироническая характеристика Александра I.

II – поражение русских под Аустерлицем и позорный для России Тильзитский мир.

III – 1812 год.

IV – взятие Парижа. Русский монарх становится первым лицом Европы.

V – русское рабство и надежды на модернизацию режима.

VI – русский народный пароль «авось» и передел сфер влияния после падения Наполеона.

VII – надежда на «авось» и отсутствие надежды на перемены в России, в том числе и «по манью Николая».

(Пушкин спорит и со своими юношескими надеждами на «...рабство падшее по манию царя».)

VIII — деяния Наполеона и его смерть на острове Святой Елены в 1821 году.

IX — испанская и неаполитанская революции 1820 года, переход через Прут офицера русской службы Александра Ипсиланти на помощь восставшим в 1821 году грекам; убийство ремесленником Лувелем наследника французского престола герцога Берийского (1820) и мятеж генерала Бертон (1822).

X — угроза русского царя подавить европейские революции. Конгрессы Священного союза 1820 и 1822 годов. После заявления царя в Троппау о том, что в России все было и будет спокойно, Меттерних сообщает тому о восстании Семеновского полка. (Меньше всего царь думает о благе «Аракчеевского холопа», то есть собственного народа.)

XI — в октябре 1820 г. в Петербурге бескровное восстание Семеновского полка, выступившего против зверств полковника Шварца.

XII — поражение европейских революций и характеристика российской политической оппозиции, (взятая, очевидно, из стихов Одоевского).

XIII — атмосфера первых декабристских кружков.

XIV — собрания заговорщиков в Петербурге в 1820 году.

XV — виды северян на восстание, цареубийство и освобождение крестьян.

XVI — два центра южных заговорщиков: Каменка, где хозяин имения Раевский-старший, и Тульчин, вотчина Пестеля.

XVII — динамика заговора от интеллектуальных шалостей до «тайной сети». Бездействие знающего о заговоре императора.

СОЖЖЕННАЯ ГЛАВА

Парадоксы «славной хроники»

На рубеже тысячелетий мистифицировать читателя было и скучно, и глупо. И, значит, надо рассказать, как появилась эта странная (для меня самого) и кошмарная (как оказалось после, — для многих) идея *реконструкции формы* Десятой, сожженной главы «Евгения Онегина».

Вопрос, а зачем потребовалось шифровать текст и сжигать его беловик, первым в пушкинистике поставил С. А. Фомичев. (Произошло это только в 2003 г.) И сам же на него убедительно ответил. Десятая глава писалась в окруженном холерными карантинами Болдине, а по опыту кавказской поездки Пушкин знал, что почти у господ проезжающих в таких случаях изымают, прокалывают и обкуривают (значит, могут вскрыть и в целях профилактики прочитать). Болдинские рукописи не проколоты, а, следовательно, и не обкурены. Но поэт предпочел перестраховаться — накормить тайными листами деревенский камин, а неудобочитаемую шифровку спрятать среди черновиков.

О Десятой главе мы знаем и много, и мало.

М. В. Юзефович, адъютант генерала Н. Н. Раевского-младшего, вспоминал, что в 1829 г. Пушкин на Кавказе в походной палатке «...объяснял нам довольно подробно все, что входило в первоначальный замысел, по которому, между прочим, Онегин должен

был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов».

Понятно, что речь шла об уже оставленном замысле. (Потому-то Юзефовичи называют его «первоначальным».)

19 декабря 1830 г. Петр Андреевич Вяземский помечает в дневнике:

«Третьего дня был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок и 9 главу Онегина. Ею и кончает; из 10-й предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих. Славная хроника... У вдохновенного Никиты, У осторожного Ильи...»

«Третьего дня» — это через день после пятой годовщины восстания на Сенатской. Осторожность дневниковой записи Вяземского выдает пишущего: у Пушкина полоса политических неприятностей, не хватает, чтобы до правительства дошло *это*.

Еще мы знаем несколько фраз Александра Ивановича Тургенева, брошенных им вместе с шестью стихами из «славной хроники» в письме к брату Николаю Ивановичу. Письмо шло из Мюнхена в Лондон, так что перлюстрации можно было не бояться.

Прибавим к этому лаконичную помету в левом нижнем углу на одной из страниц автографа «Мятели», датированной в датированной 20 октября 1830 г.: «19 окт. сожж. X песнь».

Прибавим и другую («в X песнь») на полях черновика «Путешествия Онегина» против стихов:

Уж он Европу ненавидит
С ее политикой сухой —

И обратим внимание не замеченную исследователями маргиналию в белой рукописи IV главы. Под

XLVI строфой читаем: «Смотр. X». (Конец четвертой главы писался как раз в конце рокового 1825 и в первых числах января 1826 г., помета, скорее всего сделана в 1829 г.)

До нас дошли три черновых, не отделанных строфы (по ныне принятой нумерации XV–XVII, писанные на бумаге болдинского периода) да зашифрованный лист с шестьюдесятью тремя стихами первых шестнадцати строф. (Он вместе с другими пушкинскими бумагами был пожертвован в Академию наук вдовой Л. Н. Майкова в 1904 г.) Ключом к истинному порядку этих бессвязных на первый взгляд стихов оказались симметрично расположенные на листе строки с вольной самоцитатой из стихотворения «Герой», написанного в Москве 29 сентября того же 1830 г. В «Герое» эти строки звучат так:

Все он, все он – пришлец сей бранный,
Пред кем унизились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

И еще одна чуть измененная строка из этих стихов попала в онегинский текст: «Измучен казнию покоя». В «Герое»:

...Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым...

Считается, что Пушкин оказался аховым шифровальщиком: в одних случаях перед нами по четыре стиха каждой из шестнадцати строф (набросок семнадцатой

строфы известен по черновику), в других по три или по пять. «Лишний» стих пушкинисты старших поколений сочли по местоположению в строфе девятым. Казалось невероятным, что в одну недостающую строку можно уложить все надежды на возвращение декабристов из Сибири:

Авось, аренды забывая,
Ханжа запрется в монастырь;
Авось, по манью Николая
Семействам возвратит Сибирь...
.
Авось, дороги нам исправят...

Одной из задач моей *реконструкции формы* было, в частности, показать, что, шифруя, можно перепутать пятый стих с шестым, но не пятый с девятым.

Восстановим последовательность пушкинской шифровки.

У согнутого пополам листа с каждой его стороны по две страницы. Оборотом этого листа Пушкин не воспользовался, значит, будем говорить только о двух страницах одного разворота.

Шифровка и дешифровка — вещи *прямо обратные*. Авторы, писавшие о расшифровке Десятой главы, общались, как именно надо пользоваться этим шифром. Но даже когда под руками есть факсимильное воспроизведение, разобраться в этом не так-то просто. Вот как выглядит инструкция по пользованию онегинским шифром под пером Юрия Михайловича Лотмана: «...П. О. Морозов, обнаружив в тексте строки, сходные со стихотворением Пушкина «Герой», предположил, что правильный порядок восстановится, если первый стих брать из нижней половины второго столбца,

второй — из его же верхней половины, третий — из верхней первого и четвертый из нижней первого столбца. Затем операция продолжается в том же порядке» (Ю. М. Лотман. «Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», в книге А. С. Пушкин «Евгений Онегин», СПб, 2002, с. 607).

Но все как раз наоборот: брать надо сначала верхний стих из правого столбца, потом верхний стих из его продолжения (ниже проведенной поэтом горизонтальной черты). Увы, непосредственно с пушкинскими рукописями Лотман не работал, а пересказ чужих слов всегда чреват ошибками.

Хуже, когда филологи, пусть и структуральные, пытаются поверить текст даже не алгеброй, но арифметикой.

В середине 80-х отец и сын Лотманы опубликовали исследование, в которое включили графики распределения лексем Десятой главы по буквенной их длине и такой же график, построенный по тексту подделки Альшица. Первый график был крут и прекрасен, как вершина Эвереста. Пик (без учета конечных еров) приходился на пятибуквенные слова. А вот график по Альшицу был подобен сараю с рухнувшей сгнившей крышей: по центру вместо пика зиял провал.

Сравнение впечатляло. Но предположим, что до нас дошли обрывки не Десятой, а Восьмой главы. Возьмем соответствующие ее строки и построим график по тому же принципу. И что же?.. Мы увидим тот же альшицевский сарай. Только с еще более провалившейся крышей. (Любознательный читатель за пару часов сам может в этом убедиться. См. Ю. М. Лотман, Мих. Ю. Лотман. Вокруг Десятой главы «Евгения Онегина». В сб. Пушкин. Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1986. С. 124.)

* * *

После открытия П. О. Морозова (1910 г.) нам, впрочем, не столь важно, как этот лист расшифровывается. Но важно, как он шифровался. Оказывается, что, исходя из текстологических особенностей и графики шифрованного текста, мы можем это проследить. Как ни странно, но такая работа не была сделана, что и породило ряд текстологически неоправданных гипотез.

Шифруя, поэт начал с верха правой страницы и последовательно выписал в столбик все первые стихи шестнадцати строф «славной хроники». Сделаем то же самое, предварительно пронумеровав строки (римская цифра будет обозначать номер строфы, арабская – номер стиха):

- I-1 Вл. слабый и лукавый
- II-1 Его мы очень смир знали
- III-1 Гроза 12 года
- IV-1 Но бог помог – стал ропот ниже
- V-1 И чем жирнее тем тяжеле.
- VI-1 Авось, о Шиболет народный
- VII-1 Авось аренды забывая
- VIII-1 Сей муж судьбы, сей странник бранный
- IX-1 Тряслися грозно Пиринеи –
- X-1 Я всех уйму с моим народом
- XI-1 Потешный полк Петра Титана
- XII-1 Р. Р- снова <2> присм-
- XIII-1 У них свои бывали сходки
- XIV-1 Витийством резким знамениты
- XV-1 Друг Марса, Вакха и Венеры
- XVI-1 Так было над Невою льдистой

Пушкин пишет крупным размашистым почерком. Он торопится, и потому мысль обгоняет перо. Вместо

последней строки начинает было писать «Но т...». Спыхватывается. Зачеркивает, ибо «Но там где ранее весна» — это уже второй стих шестнадцатой строфы. Просматривает список и обнаруживает ошибку в строке XII-1 (надо не «снова присмирела», а «присмирела снова»). Над словом «снова» поэт ставит цифру «2» и машинально дублирует первую букву слова Р<оссия>. Получается:

2

Р. Р- снова присм-

Продублированное это «Р.» как только ни читают: «Ребята», «Народы» (от английского People), «Роб Рои», «Эр-Эры» (т. е. «Русские Рыцари»), «Масоны» (т. е. камешники от французского «pierre» — камень).

Чем-то ему не угодил стих XIII-1. Зачеркнул слова «свои бывали». (Видимо, потому, что здесь «свои» — род ритмической затычки, и строка получается несколько аморфной.) Заметим, что в данном случае перед нами уникальное в пушкинской практике зачеркивание — не одной горизонтальной чертой, а восемью вертикальными штрихами (что позволяет прочесть зачеркнутую строку и при этом совпадает с числом слогов в строке четырехстопного ямба с мужской клаузулой).

Подытожил список горизонтальной чертой. Но оказалось, что шестнадцать строк заняли сверху вниз три четверти страницы. Поэт начнет писать почти бисерным почерком ниже черты, но уместятся лишь девять строк:

I-2	Плешивый щеголь враг труда
II-2	Когда ненаши повара
III-2	Наста- ктотут нам помог?

Вс. умови и узроби
То ете оуб оубоу зуа
Убоу 12 ауба

Но тоу нубоу - еубоу зуоу убу
А збуу зуубоу нубоу нубоу.
Аубоу, о Мубоубуу нубоубоу
Аубоу аубоу зуубоу
Аубоу нубоу зуубоу, убу зуубоу зуубоу
Мубоубуу зуубоу нубоубуу -
А збуоу зуубоу оу нубоу нубоубоу
Мубоубуубуу нубоу зуубоу зуубоу
P.P. нубоу нубоу 67
Убуубоу/убоу зуубоу нубоу
Аубоубуубуу зуубоу зуубоубоу
Зубоу нубоу, нубоу нубоу
Аубоу нубоу нубоу нубоу нубоу

Аубоубуубуу зуубоу зуубоу зуубоу
Зубоу нубоубуу нубоубуу
Аубоубуу - зуубоу нубоу нубоу?
Аубоубуу нубоу нубоу
Аубоубуу нубоу нубоу нубоу

Вс. умови и узроби
То ете оуб оубоу зуа
Убоу 12 ауба
Но тоу нубоу - еубоу зуоу убу
А збуу зуубоу нубоу нубоу.
Аубоу, о Мубоубуу нубоубоу
Аубоу аубоу зуубоу
Аубоу нубоу зуубоу, убу зуубоу зуубоу
Мубоубуу зуубоу нубоубуу -
А збуоу зуубоу оу нубоу нубоубоу
Мубоубуубуу нубоу зуубоу зуубоу
P.P. нубоу нубоу 67
Убуубоу/убоу зуубоу нубоу
Аубоубуубуу зуубоу зуубоубоу
Зубоу нубоу, нубоу нубоу
Аубоу нубоу нубоу нубоу нубоу

- IV-2 Искоро сило вещей
- V-2 ОР глуп наш н–
- VI-2 Тебеб яоду посвятил
- VII-2 Ханжа запрется в монастырь
- VIII-2 Предкем унизились З.
- IX-2 Волкан Неапол– пылал

Придется повернуть лист боком и перейти на поля.
В левой колонке:

- X-2 Наш З в конгр говорил
- XI-2 Дружина старых усачей
- XII-2 И пуще З пошел кутить
- XIII-2 Они за чашею вина

В правой:

- XIV-2 Сбирались члены сей семьи
- XV-2 Тут Л. дерзко предлагал
- XVI-2 Но там где ране– весна

Теперь Пушкин поворачивает лист в первоначальное положение и переходит на левую страницу. Если писать убористо, это можно делать в две колонки. Поэт начал с левой:

- I-3 Нечаянно пригретый славой
- II-3 Орла двуглавого щипали
- III-3 Остервенение народа
- IV-3 Мы очутились в П–
- V-3 Скажи зачем ты в самделе
- VI-3 Но стихоплет Великородный
- VII-3 Авось по манью –
- VIII-3 Сей всадник Папою венчаный
- IX-3 Безрукий К. друзьям Мореи
- А про тебя и в ус недует

- XI-3 Предавших некогда –
 XII-3 Но искра пламени инова
 XIII-3 Они за рюмкой русской водки
 XIV-3 У беспокойного Никиты
 XV-3 Свои решительные меры
 XVI-3 Блестит над К. тенистой
 I-4 Над нами З–вал тогда
 II-4 У Б– шатра

С. А. Фомичев предложил читать «УГ[осударева] шатра», отвергнув традиционное «У Б[онапартова] шатра». Однако на этой же странице шифра еще в двух случаях прописное «Б» начертано с редуцированной петлей, или даже вовсе без нее. А потому неотлично от заглавного «Г». Именно такое неправдоподобное начальное «Б» видим в стихе «Безрукий К. друзьям Мореи». Это одна из особенностей пушкинской скорописи.)

A handwritten cursive sample of the text 'У Б- шатра'. The letter 'Б' is written with a reduced loop, making it look like a 'Г'.

У Б– шатра

Сравним:

A handwritten cursive sample of the text 'Безрукий К. друзьям Мореи'. The initial 'Б' is written with a reduced loop, making it look like a 'Г'.

Безрукий К. друзьям Мореи

- III-4 Б., зима иль Р. Б.
 IV-4 А Р. З. главой З.
 V-4 стих пропущен, но интервала нет
 VI-4 Меня уже предупредил

Кераскум непостоме Скелим
Орпеу деспотомо мунаном
Омембемини мовезу
Мле орымубеур во М
Скегем за рнеис Н. в. савезу
По комедондеу Велунофугеи
Абуат по маубеу
Син бладуроу Наму Шурендеу
Тестран К. Орумбетеу Могем
Ат ное рде уде гис мидеу
Кандабумеле абуеза
По мезеу мезамеу мовоа
Кма за рамеон' рнеис бозлеу
У дигромон' мово Микелетеу
Свом фт мезамеу мезеу
Тестран мидеу К. мтумеу
Куде мезамеу 3- лете рнеу
У Ф. мезамеу
Б. мезамеу мидеу П. б.
А. Р. В. мезамеу В.

Мезамеу мезамеу мезамеу
Семем мезамеу мезамеу мезамеу
Мезамеу мезамеу мезамеу мезамеу
Мезамеу мезамеу мезамеу
Мезамеу А. мезамеу
Мезамеу мезамеу мезамеу мезамеу
Мезамеу мезамеу мезамеу мезамеу

мезамеу мезамеу А. мезамеу
Мезамеу мезамеу мезамеу мезамеу
Мезамеу мезамеу мезамеу мезамеу
Мезамеу мезамеу мезамеу мезамеу

- VII-4 Семействам возвратит С
 VIII-4 Исчезнувший как тень зари
 IX-4 Из К. уж мигал
 — Ты А. холоп
 XI-4 Свирепой шайке палаче—
 XII-4 Уже издавна может быть

Во всем этом столбце межстрочные интервалы на удивление равны. Это говорит о том, что Пушкин вслед за третьими тут же стал выписывать четвертые стихи всех шестнадцати строф.

На месте стихов X-3 и X-4 записаны стихи X-6 и X-7. Ошибка позволяет нам увидеть, как именно Пушкин составлял свой шифр. Владимир Набоков прав: Пушкин шифровал «из головы». Можно, конечно, допустить, что первые шестнадцать *титულных* стихов он выписал из беловика (проборматывать всю строфу — занятие длительное и нудное), но это недоказуемо.

Рукопись у него, конечно, была (иначе как бы он ее сжег в лицейскую годовщину)? Но поэты в подобных навязанных им обстоятельствами ситуациях, весьма ленивы.

Если б он сверялся с беловиком, он не начал бы выписывать вместо первого стиха XVI строфы второй, не пропустил бы четвертый стих V строфы, и, главное, не продублировал бы собственную ошибку в шифре X строфы. При повторном обращении к рукописи эти погрешности тут же бы и обнаружались. (В таких случаях говорят, что снаряд дважды в одну воронку не падает.) Очевидно, что поэт работал «из головы», сверяясь только с собственным шифром: он прочитывал стих в верхней части колонки и по памяти записывал в нижнюю часть следующий за ним. Потому-то однажды заменив X-3 на X-6, он должен был и вместо X-4 записать X-7.

Четвертые стихи строф XIII – XVI Пушкин почему-то не записал (хотя место на листе оставалось), но перешел в правую колонку той же левой страницы и внес еще четыре стиха:

- VI-6 (?) Моря достались Албиону
- VII-6 (?) Авось дороги нам испр.
- VIII-5 (?) Измучен казнию покоя
- IX-6 (?) Кинжал Л тень Б

Считается, что до нас дошел только первый лист шифра, а два (или даже три) последующих пошли в клетку к попугаям, ибо пушкинские наследники не понимали, зачем надо хранить всю эту галиматью из разрозненных и явно бессмысленных строк.

Увы, второго и третьего листа просто не было. В противном случае поэт должен был сначала дописать четыре недостающих четвертых стиха четырех последних строф. Но он выписывает в новый столбец шестые (или, как предположил С. А. Фомичев, пятые) стихи VI–IX строф.

Это означает, что система порушена самим шифровальщиком. И дальше шифровать уже невозможно. Поэт устал заниматься криптографией, делом для него явно нетворческим.

Он понадеялся на собственную память. И, кажется, не ошибся: во всяком случае Вяземский, Тургенев, Катенин и, надо полагать, Жуковский Десятую главу все-таки услышали.

Согнутый пополам лист толстой желтоватой бумаги, на обороте которого отпечатались чернила от другого, некогда положенного под него, но утраченного, не давал покоя историку Натану Эйдельману: «Ну ведь читают же криминалисты по одним лишь продавам на бумаге!»

Увы, бумага пушкинского времени груба и толста, а гусиное перо слишком нежный инструмент. Но, как я понимаю сегодня, если мы когда-то по продавам или зеркальному оттиску и прочитаем тот лист, который был подложен под лист с онегинским шифром, текст Десятой главы мы здесь вряд ли обнаружим.

* * *

Валентин Берестов заметил, что «свободный роман» начинается и заканчивается одним и тем же словом: «*Мой дядя...*» — «...как я с Онегиным *моим*». Подобным образом окольцована и Десятая глава. Она начинается и заканчивается Александром I. И последняя строчка отсылает нас к четырем первым: «Наш царь дремал...» — «Властитель слабый и лукавый /.../ над нами царствовал тогда...» Личное сменилось общественным, и в обратной перспективе Десятой главы местоимение первого лица, поменяв число, стало множественным.

Если поверить свидетельству Вяземского, то в декабре 1830 г. (то есть уже после зашифровки текста и сожжения беловика) Десятая глава состояла лишь из «славной хроники», из которой мы знаем неполные семнадцать строф. Это вполне сопоставимо с опубликованными самим Пушкиным «Отрывками из путешествия Онегина» (в них лишь на две строфы больше).

В сожженной главе не могло быть ни Онегина, ни Татьяны. Роман своих героев Пушкин дописал до точки их отношений. Да и сюжетно роман исчерпан, хотя лукавый двойник поэта, автор-повествователь «Онегина», будет убеждать публику, что Пушкин расстался с главным героем неожиданно, «вдруг».

Один из лучших русских читателей пронизательно подметил, что произошло:

С колен поднимется Евгений,
Но удаляется поэт...

Удаляется не Татьяна, а сам Пушкин. С Татьяной поэт как раз и забывает проститься, словно хочет оставить себе возможность написать когда-нибудь роман-продолжение, который, назовет, ну, к примеру, «Татьяна Ларина». Но, увы, мы невнимательны, а потому не слышим, что несчастного своего главного героя поэт оставляет «навсегда».

Мы просто оказались не готовы к такому повороту сюжета. Вслед за Татьяной мы успели полюбить Онегина (поневоле разделяя ее, а не его страдания).

Впрочем, есть и иная причина:

...И все же слух не может сразу
Расстаться с музыкой, рассказу
Дать замереть...

До Владимира Набокова только Лев Толстой, стихов не жаловавший, столь же внимательно прочитает «Онегина». И когда он станет извлекать из «Войны и Мира» философские свои отступления и переносить их в конец эпопеи, то будет следовать канону онегинской композиции.

Отказавшись от замысла завершить роман «славной хроникой», Пушкин вынужден был отказаться от деления романа на три части, включавших в себя по первоначальному плану девять полноценных глав (плюс X главу).

Уничтожив Десятую главу, поэт «по причинам важным для себя, а не для публики», должен будет изъять из романа восьмую главу, а восьмой сделать девятой.

Что же это за «важные причины»? И в чем логика столь сложных изъятий и перестановок?

Чтобы ответить, достаточно лишь взглянуть на то, чем же на самом деле заканчивается «свободный роман». А заканчивается он не последним (и уже окончательным) расставанием героев, не появлением мужа-генерала и даже не прощанием поэта с Евгением. Заканчивается — идущими после авторских примечаний «Отрывками из путешествия Онегина». Они-то и заняли место той *раммы* к живописному полотну романа, на роль которой Пушкин сначала определял «славную хронику».

Поэт изъял из романа Десятую главу по сугубо цензурным соображениям (то есть *важным для поэта, а не публики*). Он сжег беловую рукопись, но вовсе не собирался уничтожить сам текст «славной хроники». (Доказательство — листок с шифром Десятой главы, и то, что, как установил С. М. Бонди, Пушкин продолжал править уже написанные строфы «славной хроникой» и в середине 1830-х.)

Поэту необходим был некий исторический фон, на котором развивался бы онегинский сюжет. Когда стало ясно, что напечатать Десятую главу не удастся, он, пожертвовав ею, демонтировал и восьмую, чтобы изъять из нее необходимые для обрамления *свободного романа* отрывки со скитаниями Онегина по России.

География Десятой главы расширяла географию «Онегина» до мировой — остров Святой Елены, Аустерлиц, Тильзит, Париж, Испания, Италия, Греция, Петербург, Украина... Не получилось. И *невъездной* Пушкин строит другой, уже сугубо российский ряд: Нижний Новгород, Астрахань, Кавказ, Таврида, Одесса...

В границах географического треугольника Питер — деревня — Москва Пушкину тесно и душно. Ему, как и Онегину, нужна ну хотя бы вся Россия. И что бы ни говорил Пушкин на Кавказе ссыльным декабристам, в восьмой главе «Онегина», как это сумел показать

смоленский литературовед Вадим Баевский (см. по изданию 2002 г. его примечания к комментарию Ю. М. Лотмана), действие происходит уже после декабрьского восстания. Иначе, к примеру, Татьяна Ларина не могла бы беседовать на балу с испанским послом (дипломатические отношения с Испанией были установлены после 1825 года). Как ни грустно, но Татьяна — жена николаевского генерала. И как ни горько, но Онегин свою Сенатскую *прогулял*.

Но если роман дописан до точки самим Пушкиным, зачем же нам понадобилось его досочинять? Ведь все попытки что-то дописать за Пушкина (Майков, Брюсов, Ходасевич, Набоков) оказались лишь добротным чистописанием, и, может быть, лучшее, что есть, скажем, в набоковском продолжении «Русалки», — заключительная ремарка: «Пушкин пожимает плечами».

Да затем, что версификация — такой же метод текстологического исследования, как и любой другой. И еще затем, что стихотворец конца XX века уже знает то, что Пушкин только угадывает. Значит, если не ставить задачей тупую стилизацию (или еще более тупую попытку угадать, а что же такого тут мог написать Пушкин), можно не алгеброй, но самой историей поверить пушкинскую гармонию.

* * *

В конце 70-х со стихотворцем П. и мэтрствующей поэтессой М. мы возвращались с окраины Москвы, где навещали лежавшего в больнице поэта Аркадия Акимовича Штейнберга. Заговорили о пушкинской легкости, и бес меня попутал в тесноте наемного «москвича» предложить поэтессе игру: а сможете продолжить три пушкинских строки четвертой?

У них свои бывали сходки.
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки
та-та-та-та-та-та-та-на...

Что?.. Какое-нибудь «Засиживались до темна?..» Гадость... Беседовали вполпьяна?.. Еще хуже...

(В те годы я не знал крепкого, но и одновременно плоско-велеречивого набоковского варианта: «Освобождали племена».)

Поэтесса задумалась. А когда пауза в салоне стала затягиваться, цветаевская челка взметнулась над ахматовским профилем, и почти шаляпинский бас оглушил пассажиров полуночного левака:

— Вы не поэт!.. И никогда им не станете! Только не поэт может ставить такие вопросы!..

Откуда мне было знать, что недостающую в этом четверостишии строку еще в конце сороковых нашел ленинградский историк Даниил Натанович Альшиц. В лагере на основе фрагментов «славной хроники» он сочинил собственное произведение, и пустил слух, что его посадили за открытие пушкинского текста.

Поэтически подделка Альшица неподражаема:

Пылал Каховский ярче лавы,
Одним желанием горя,
Своей рукой забить царя...

Впрочем, маститый советский литературовед Т. на том основании, что «забить можно только скотину», находил эти строки по-пушкински гениальными.

А вот, что в демьянобедновском духе сообщал мистификатор о Наполеоне:

Чинов британских сворой гадкой
Он схвачен был бульдожьей хваткой
И похоронен был живьем
На душном острове своем.

В лагере мистификатору поверили, потому что его произведение, не неся ни гранулы крамолы, отвечало языку времени. Видимо, крамольным было уже то, что у канонического, пусть и изодранного в клочья текста, может быть хоть какое-то развитие.

В середине пятидесятых зеки — бывшие библиотекари да инженеры — вынесли Десятую главу на волю. А после один минский профессор ее украл и напечатал как свое открытие сохранным народом шедевра. Мол, народ и запомнил сожженный текст. На вопрос «Какой народ?» профессор отвечал: «Весь. Вот хотя бы мои студенты».

Но одну строку, ту, которую я, загадал поэтессе М., Пушкин мистификатору с небес все же кинул:

У них свои бывали сходки.
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки
Судили труд Карамзина...

Как историк (отменный специалист по смутному времени) мистификатор знал о полемике в декабристских кружках по поводу карамзинской «Истории государства Российского». («Русские завтраки» Рылеева под водку и капустку из Батова вошли в моду несколько позже.) И потому угадал рифму. На все остальное в стихе оставалось лишь четыре слога, которыми наш мистификатор распорядился весьма грамотно: «Судили труд...»

По своему опыту я знаю, как пушкинский текст отторгает трансплантированный орган: ночью кажется, что нашел строку («...ай, да сукин сын!»), а утром, едва продрал глаза, видишь, — ну да, действительно сукин...

То, что в момент находки казалось шедевром, скукожилось и воняет.

Но когда удается обнаружить иной смысл у вроде бы прозрачной строки, вспышка на миг и освещает ближайшие окрестности текста.

...Иду с электрички на дачу и пытаюсь продолжить два стиха из той же Десятой главы. Только вот стихи-то какие-то непушкинские, или, как в таких случаях говорил Маршак, «с немецким акцентом»:

— Я всех уйму с моим народом! —
Наш царь в конгрессе говорил...

Громко читаю сам себе.

Очень плохие стихи...

Читаю еще громче. (Я же в лесу один!) И когда перехожу на крик, вдруг понимаю, что строка-то не только русская, но и матерная: «Я все-х уй-му...»

Продолжение и придумывать не надо, оно лезет само: «И на Европу мимоходом / Лорнет ревнивый наводил...». И лет двадцать буду радоваться пустяшной этой находке, пока вслед за Ю. М. Лотманом не пойму, что в данном случае речь идет о конгрессе Священного Союза в Троппау, на котором Россия, Австрия и Пруссия постановили давить революции в из зародыше, и где в ноябре 1820 г. Александр I, утверждавший, что в России все было и будет спокойно, услышал от Меттерниха о восстании Семеновского полка.

«Я все-х уй... му...»

Что ж, таков «русский стиль» наших правителей. Вспомним хотя бы хрестоматийное ленинское «говно!», или хрущевскую «кузькину мать» (вкупе с гуляющим по трибуне ООН генсековским полуботинком).

* * *

Пастиш Альшица продержался полвека, но померк в свете импровизации Дм. Быкова (2006):

...Его отец, как раз убитый
Сынком и собственной свитой,
Желал подобен быть Петру
И оттого вводил муштру.

Здесь же нас одарили и брызгами подросткового словоблудия. Вот будущие декабристы, видимо, под впечатлением от картины Делакруа (тот же пушкинский 1830 год) пялятся на бюст обнаженной свободы, чтобы при наступлении сумерек, подобно пятикласникам в пионерлагере, расползтись по палаткам:

...Они за чашею вина
Порой сидели дотемна,
Но не от водки там пьянели:
В тумане споров и легенд
Там замышляли свой конвент;
Им представлялось в буйном хмеле,
Что вольность — юная жена,
И грудь ее обнажена.

А еще на мотив популярной в конце прошлого века похабной частушки («Лежит милая в гробу...»):

Спокойно дремлется рабу,
Как деве сказочной в гробу.

* * *

Загадки Десятой главы начинаются буквально с первого слова первого ее стиха:

Вл. слабый и лукавый...

Поскольку «властелин» не укладывается в ритмический рисунок ямба, обычно читают «властитель». Владимир Набоков, сетовавший на эвфоническую несовершенство такого чтения, вслед за Н. Л. Бродским (но без ссылки на оного) предположил читать «владыка». Эту версию поддержал и С. А. Фомичев.

В «Словаре языка А. С. Пушкина» можно найти несколько примеров, подтверждающих чтение «владыка», и еще больше — традиционное чтение «властитель». И даже не в том дело, что пушкинская эвфония первых двух стихов как раз голосует за «властителя»: «властитель слабый и лукавый, / плЕшивый щегоЛЬ, враг труда...» А в том, что «слабый владыка» — унылая констатация, а «слабый властитель» — веселый парадокс. (Как, скажем, «несамостоятельный самодержец».)

А вот другой пример новейшего чтения: С. А. Фомичев предлагает вместо прочитанных П. О. Морозовым строк «А про тебя и в ус не дует, / Ты, А. холоп...» читать «А кто тебе и в ус не дует...», поскольку «идеоматическое выражение в значении «пренебрегает, ставит ни во что» требовало в ту пору не родительного, а дательного падежа».

Исследователь ссылается на «Горе от ума»:

Ведь столбовые все; в ус никому не дуют...

Однако заглянем в семнадцатитомный словарь Современного русского литературного языка (М.-Л., 1950–1965), где приводятся две иллюстрации этого выражения:

1. В ус не дуть кому. Устар. Не бояться кого. «Чуб не без тайного удовольствия видел, как кузнец, который никому на селе в ус не дул, /.../ тот самый кузнец лежал теперь у ног его». Гоголь. «Ночь перед Рождеством».

2. (И) в ус (себе) не дуть. Разг. Ничем не смущаться, не обращать ни на что внимания. «Я чувствовал себя до такой степени счастливым, что, как говорится, в ус не дул и в грош не ставил ничьих насмешек и ничьих косых взглядов». Тургенев. «Первая любовь».

А в словаре Владимира Даля читаем: «Не чужой кус, и не дую в ус». (Очевидно, что это калька с более известной поговорки «На чужой каравай рот не разевай», поэтому у Даля, если не опечатка, то уже следующая производная народного присловья, которое изначально должно было звучать: «На чужой кус и не дуй в ус».)

Однако С. А. Фомичев, а за ним и В. П. Старк, предложивший в комментариях к «Евгению Онегину» (2013, издательство «Вита Нова») свой вариант чтения «И при тебе и в ус не дует...» не обратили внимание на то, что у Пушкина в шифре однозначно «тебя», а не «тебе»: последнее заканчивалось бы ятем, а у нас в этом слове классическое пушкинское «я». (Пушкинисты Морозов, Бонди и Цявловский, знавшие цену ятя с молодых ногтей, такой ошибки никогда бы не сделали.)

Значит, в полном соответствии со вторым примером из семнадцатитомного словаря у Пушкина именно: «А про тебя и в ус (себе) не дует.

Кто же этот *ты*?

Из первых двух строк этой строфы «-Я всех уйму с моим народом... / Наш царь в конгрессе говорил...»

ясно, что речь тут о народе. Но тогда «Ты А. холоп» не может расшифровываться как «Ты, Александровский холоп» (ни в смысле народ, ни в смысле Аракчеев). Сказать о народе «Ты, Александровский холоп» — ничего не сказать (тем более, что в 1830 г. народ был уже холопом не «Александровским», а «Николаевским»). И поскольку официально русский царь — земной наместник Бога, то и «Александровский холоп» — столь же необходимо, как, скажем выражение «раб Божий».

А если «Ты, Александровский холоп» — это про Аракчеева, то при чем же тут «А про тебя и в ус не дует»?

Да, «холоп венчанного солдата» — Аракчеев. Но почему мы решили, что Пушкин столь же благоговейно, как это принято у пушкинистов, относится к пушкинским стихам, что не может их ни переиначить, ни переадресовать? (Если верить Пушкину, — «не изменяется только дурак».)

С. А. Фомичев предлагает чтение «Архипасторский холоп», ссылаясь на набожность и мистицизм самого царя, и видит в этом холопе Александра I. Поскольку тут речь не о пасторах, а о пастыре, надо бы, конечно, исправить на «Архипастырский», но, увы, и это ничего не дает, ведь заглавной буквой (с точкой после нее, как в этом случае, или без оной) Пушкин шифровал имена собственные.

Остается одно: «Ты, Аракчеевский холоп» (то есть народ, позволивший в отсутствие разъезжающему по конгрессам царя управлять собой графу Аракчееву).

* * *

В эстетике черепков есть своя поэзия. Но ведь и археолог попытается стыковать два керамических осколка, чтобы восстановить не сам сосуд, а утраченный рукотворный его изгиб.

Если же черепков несколько десятков, реставратор разведет ганч — черную массу из гипса и глины — и, заполнив утраты, воссоздаст начальную форму.

Вот и культура мало похожа на коллекционирование окаменелостей, пусть даже и законсервированных по всем культурологическим правилам. Вырви стих из контекста, или всего лишь поменяй порядок строк, и авторская интонация улетучится: тот же стих, а уже почему-то не звучит.

Это значит, что по россыпи пушкинских осколков мы составляем заведомо превратное представление об интонации и, следовательно, и смысле Десятой главы. Изучай и комментируй хоть всю жизнь, но пока не замесишь стиховой ганч, результата не будет.

Обратимся к известной по черновику Пушкина XVI строфе. В ней «всего лишь» не хватает нескольких слов:

Так было над Невою льдистой,
Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела иные уж пошли.
Там Пестель...
И рать набирал,
Холоднокровный генерал,
И Муравьев, его склоняя,
Напором дерзости и сил
Минуту вспышки торопил.

Пушкинист П. О. Морозов, в 1910 году нашедший ключ к шифру Десятой главы, стих «И Муравь<ев> его

скло<няя>...» читал «И лучшее его село...» Если слова в черновике разбирать «по петелькам», иначе и не прочтешь.

Ну а начало предпоследнего стиха до сегодняшнего дня принято читать «Исполнен...» или «И полон...»

Многokrратно увеличив этот фрагмент, через друзей вымалываю аудиенцию у короля пушкинистики Сергея Михайловича Бонди. Это он еще студентом в начале двадцатых доказал, что расшифрованные отрывки относятся к начальным стихам разных строф Десятой главы «Онегина».

Цепочка

Бонди принял меня 26 апреля 1983 года в своей тесной (даже если бы в ней вовсе не было книг) двухкомнатной квартире на Фрунзенской.

Я сохранил черновик письма, в котором описывал свой визит. По этому тексту и цитирую:

«Ему 92 года. Старик совершенно живой, хотя и говорит:

— Считайте, что Бонди умер, а это другой. Моя болезнь в том, что я стал многое забывать. Правда, вспомнил то, что не помнил — песенку, которую в четыре года я пел одной девочке... Вам я вряд ли чем могу быть полезен... Мне умирать пора. Я им всем (домашним. — А. Ч.) в тягость...

Я показал ему переснятое с пушкинского черновика слово «напором».

Он (внимательно изучив):

— Я могу вам только сказать, что такое чтение очень вероятно...

Прочитал ему свою X главу.

Он (тоном заговорщика):

— Ох, и начнут вас так и эдак за это...»

Бонди, как в воду глядел.

Сразу после публикации в «Знамени» первой своей версии Десятой главы я (помимо разного прочего) прочитаю в «Вопросах литературы» гневную статью Бенедикта Сарнова «Ганч или кич?» (так. — А. Ч.). Засяду за ответ, внутренне соглашаясь с тем, что все пушкинские строки гениальны, а все мои — китчевая попса, но обнаружу, что это мой стих «Резон отточенных штыков» критик принял за образец пушкинской строки и на ее примере объясняет читателю, что в поэзии хорошо, а что отвратительно.

...А с Бонди мы договорить не успели. Лето 1983-го было для него последним.

Жалею, что не успел показать ему одну пушкинскую цитату из совсем других стихов:

Сильна ли Русь? Война и мор,
И Бунт, и внешних бурь напор,
Ее беснуясь потрясали...

Значит, и в Десятой главе было все-таки «напором», а не «и полон»... Пушкинистов подвел известный языковой штамп: «полон сил» — это идиома. Но для поэта невывернутая наизнанку идиома — пошлость.

* * *

...Начнешь расшифровывать, и слово, цепляясь за звук, само ведет по неведомой дорожке смысла:

И рать та-га-га набирал
Холоднокровный генерал...

Кто? Юшневский? Он был генерал-интендантом. Как заметили следователи, в делах южан мало что решал, хотя соглашался почти со всеми самыми радикальными проектами. Кроме того, при чтении здесь фамилии Юшневого возникает малоприятное сращение: «И ратью-Шневский...»

Ермолов? Он знает, что «без него не обойдутся», но ребячьими глупостями заниматься на старости лет не намерен. Это Рылеев, когда началась Этерия, мог призвать: «Ермолов, поспеши спасти сынов Эллады!»

Ермолов тогда и бровью не повел.

Потому что знал, как ныне принято говорить, «цену вопроса». Цитирую по БСЭ:

«На Веронском конгрессе (1822), последнем конгрессе Священного Союза, было принято решение о вооруженном вмешательстве в испанские дела (в 1823 французская армия вторглась в Испанию, восстановив в ней абсолютизм). Конгресс осудил восстание против турецкого господства в Греции и отказался принять греческую делегацию, приехавшую за помощью в Верону».

Для того чтобы утверждать, что у Ермолова были какие-то отношения с декабристами (кроме их упований на ермоловскую поддержку и участие его во временном правительстве), требуются хоть какие-то аргументы. Но нам не известны даже слухи об участии Ермолова в заговоре.

Волконский?.. Он был и храбрым, и деятельным, но только не «холоднокровным». Те вожди заговоров, к которым и впрямь применим этот эпитет, не влюбляются и не сватаются накануне восстания.

И все же большинство современных пушкинистов читают «И рать Волконский...».

Но совсем иное написано у Пушкина.

Строкам о холоднокровном генерале параллелен набросок стиха: «Там (зачеркнуто) Р. (зачеркнуто) отдалил». Если б строка начиналась «Там Р...», поэт зачеркнул бы оба слова в один прием. Но линий на черновике две. Значит, первый вариант этого стиха звучал «Там та-та-та-та отдалил», а второй «Р. та-та-та-та отдалил». И потому Бестужев-Рюмин, которого видели в этом загадочном «Р», просто не лезет в ритмическую схему ямба. Да он, впрочем, ничего и не отдалял. Михаила Бестужева-Рюмина как раз и князят за то, что вдвоем вместе с Сергеем Муравьевым-Апостолом они только и будут что торопить «минуты вспышки», или, как сказано в вариантах этого стиха «порыв Союза». А после поднимут восстание Черниговского полка.

Эти двое — близнецы-братья декабристского нетерпения. Они не «отдаляли», но именно «торопили». И потому должны были «склонять» колеблющихся.

Отдалил выступление заговорщиков тот, кого и нужно было «склонять». И когда бы уговаривать пришлось Бестужева-Рюмина, он не заслужил бы пенькового венца. Да и не был юный Бестужев-Рюмин ни генералом, ни — тем более — «холоднокровным».

Где же следует искать этого загадочного генерала с фамилией, начинающейся на «Р»?

Разумеется, там, где Пушкин и указал шестью стихами выше — в Каменке.

Каменка и Тульчин названы в смежных (третьем и четвертом) стихах этой строфы. Но Тульчин — вотчина Пестеля. Полагают, что в феврале 1821 Пушкин там с ним и познакомился. О Пестеле речь идет в девятом стихе, а уже в следующем, десятом, буквой «Р» зашифрована фамилия легендарного хозяина Каменки — Николая Николаевича Раевского. В имением Каменка он жил вместе со своим сводным братом,

цареубийцей без цареубийства Василием Львовичем Давыдовым.

Если верить Якушкину, там в присутствии Н. Н. Раевского (вряд ли старшего, скорее, его сына Александра) декабристы однажды жестоко разыграли Пушкина — пригласили на пирушку, а сделали вид, что идет учреждение тайного общества. Двадцатилетний Пушкин, вообразив, что ему не доверяют, резюмировал: «Я никогда не был так несчастлив, как теперь. Я уже видел жизнь свою облагороженною и высшую цель перед собой, и все это было только злая шутка» (Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 43).

Позже он сам вспомнит об этих своих слезах:

Друзьям иным душой предался нежной,
Но горек был небратский их привет.

Декабристскую главу «Онегина» поэт обдумывал в 1829-м, а писал в 1830-м. Только что умер генерал Раевский, и Пушкин в рецензии на некролог, сочиненный зятем Раевского декабристом Михаилом Федоровичем Орловым, пенял, дескать, тот «...не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражения в кровавом 1812-м году!..»

Второго такого «холоднокровного», как Николай Николаевич Раевский, и впрямь не найти. Это он во время тотально отступления русской армии, взяв малолетних детей за руки (младшему всего семь!), повел их в атаку на неожиданно ударивших с фланга французов.

Его, конечно, обгонят, прикроют. Да и сам он будет после кивать на поэта Жуковского, мол, это тот все выдумал, а дети во время боя собирали ягоды. Но историки знают, что после того боя Александру и Николенке Раевским будут «через чин» присвоены внеочередные

воинские звания. Чего, как изволил выразиться один знаток русской истории, не произошло, даже если б Николай Николаевич Раевский-младший собрал под пулями целое лукошко земляники.

Но самое удивительное, что пушкинский эпитет к легендарному генералу взят не откуда-нибудь, а со слов самого Николая Николаевича. В Table-talk читаем: «Генерал Раевский был насмешлив и желчен. Он /.../ сказывал мне, что Каменский был трус и не мог хладнокровно слышать ядра...»

А теперь откроем «Бородинскую годовщину» Жуковского.

Как и в «Певце во стане русских воинов», речь там идет и о Раевском. Но какая странная речь...

Два года как убит Пушкин, а Жуковский внятно и горячо спорит с сожженной главой «Онегина». Спор этот столь явственен, что впору задуматься, а не Жуковский ли убедил Пушкина сжечь главу...

Неподкупный, неизменный,
Хладный вождь в грозе военной,
Жаркий сам подчас боец,
В дни спокойствия мудрец,
Где Раевский?..

Кто же это в своем отечестве пытался «подкупить» легендарного генерала? И кому это он «не изменил», и зачем на это указывать, если уже забылись слухи о принадлежности легендарного героя к заговору? Да, конечно, оба зятя — декабристы, адъютанты — заговорщики, сводный брат — несостоявшийся царевич. И весь Второй корпус (что для властей не секрет) насквозь источен крамолой. Да и детей Раевского арестуют, хотя после и отпустят с «очистительными аттестатами». (То

ли милость, то ли справедливость, то ли тонкий царский расчет.) И откуда в одной единственной строке сразу два образа из сожженной главы, если Жуковский эту главу не видел? Разве «хладный вождь» не отсылка к «холоднокровному генералу», а «военная гроза» к пушкинской «грозе Двенадцатого года»? И почему Жуковский решил отступить от композиции «Певца во стане...», разведя в «Бородинской годовщине» убитого Каховским Милорадовича и невыявленного заговорщика Раевского? Случайно ли возникла между ними строфа о нейтральном в политическом отношении атамане Платове?

Десятую главу Пушкин обдумывает на Кавказе, куда он удрал, не спросясь у государя. И Бенкендорфу доносят, что там, в действующей армии, поэт общается с сосланными декабристами и о чем-то беседует ночами в палатке с Николенькой Раевским, ныне тоже уже генералом.

«Фамилия Раевских, кажется, вся принадлежит к заговору», — вывод, сделанный следователями, но оставленный царем «без последствий».

Пытаясь представить выступление декабристов «бунтом фрачников», Николай Павлович должен был закрыть глаза на приобщенность к Обществу Раевского-старшего. (Его имя в показаниях тоже звучало.) О причастности генерала к заговору ведал и Александр I, вынужденный после нескольких доносов отправить Н. Н. Раевского в отставку в 1825 году, уже почти накануне восстания.

Собственными гражданскими сомнениями (а после и царской опалой) отдалил холоднокровный генерал выступление южан.

И Александр Сергеевич Пушкин, и Александр Павлович Романов знали, какую звезду на революционном

европейском небосклоне так подозрительно напоминает славная комета генерала Раевского. За три года до опалы Раевского был казнен в Пуатье (разумеется, гильотина) ровесник русского «хладного вождя» Жан Баптист Бертон. Герой испанской кампании, бригадный генерал и, как сказал о нем Владимир Набоков, — «французский декабрист», он был отстранен от должности за либеральные убеждения и поднял восстание против нового Бурбона, но не был поддержан Францией.

Набоков сумел прочесть его имя в шестом стихе IX строфы Десятой главы: «Кинжал Л., тень Б.» — «Кинжал Лувеля, тень Бертона», сопоставив это место с пушкинской прозаической строкой «...и безумец Лувель, и мятежник Бертон». («О записках Самсона»)

Тот, кто когда-то был склоняем Муравьевым, но склонен не был (будущего зятя Михаилу Орлова он даже просил перед его женитьбой выйти из Общества), скоро проводит дочь в Сибирь, похоронит младенца-внука (Пушкин напишет по этому случаю эпитафию, в последней строке помянув гражданский подвиг Марии Николаевны, и напомнив об участии отца-каторжанина) и сам умрет в сентябре 1829-го.

Да, формально «холоднокровный генерал» в заговорщиках не числился.

Так что Пушкин не зря уже в черновике отверг вариант:

Холоднокровный генерал
В союз Славянов вербовал.

Но окружив себя бунтовщиками, эту *рать набирал* именно Раевский: к нему, легенде Двенадцатого года и реальному *спасителю отечества*, они тянулись и под его защитой *гнездились*. Он был в курсе заговора, он и

Ермолов, если верить Пушкину, выжидали, полагая, что «без нас не обойдутся».

Летом 1829 г. Пушкин знал, где найдет материалы для «славной хроники». Ему нужны декабристы, но до Сибири он доехать не может. Остается Кавказ.

По дороге на юг поэт завернет к Ермолову, а на обратном пути узнает о смерти старого Раевского.

В том же году генерала Н. Н. Раевского-младшего за потворство ссыльным декабристам и, надо полагать, за пушкинский к нему визит, Николай I отправит в отставку. Государев приказ будет подписан четырнадцатым декабря, то есть в очередную годовщину петербургской смуты.

Итак, все указано самим Пушкиным — Каменка, ее хозяин «холоднокровный генерал», первая буква его фамилии, и то, что его «склоняли», и то, что именно он «отдалил». Просто Пушкин подчеркнул свои сведения из кавказских бесед с информированным сыном опального командующего, а историки и пушкинисты, ничего о тех разговорах генеральской палатке не знающие, вынуждены были поверить следственной комиссии там, где она сама себе не верила.

...А если смущает, что имя Раевского-старшего стоит в следующей строчке за фамилией Пестеля, напомним, что и предлагавший восстание Никита Муравьев, и «осторожный», то есть резко протестовавший против этого Илья Долгоруков, тоже названы в соседних стихах.

Мы вынуждены ориентироваться на «Роспись государственных преступников» и на составленные Сперанским разряды. (Сперанского заговорщики считали претендентом в будущие правители России, за что царь и определил его сочинять реестр декабристкой вины.) И при этом мы не замечаем, что для оправдания казни пятерых декабристов Сперанский, сначала ссылается

на отмененный Екатериной Великой петровский Воинский Артикул, а после — на... прецедент. То есть ссылается на норму английского права. Того самого, которое так нравилось Николаю Тургеневу. А «прецедент» — это казнь в Москве на Болотной площади Пугачева и четверых его товарищей.

Другими словами, если бы Екатерина казнила в Москве десятерых, виселицу на Кронверкском валу пришлось бы строить вдвое длиннее. (Благо вал на кронверке это позволяет.)

Николаевская «Роспись» — документ официозный, а потому и тенденциозный. И Пушкин с ней спорит. Он знает больше следователей, а, главное, он смотрит на трагедию «глазами Шекспира» — глазами историка и поэта. И, включив себя в состав петербургских заговорщиков («Читал свои Ноэли Пушкин»), готов отвечать за свои слова.

Да, в 1820-м он был очень близок к этим людям. Проще — был одним из них.

Беспокойный Никита, Осторожный Илья, Резкий Лукин, Меланхолический Якушкин, Хромой Тургенев... А еще — Пестель и Сергей Муравьев-Апостол.

В конце 80-х, готовясь к первой московской конференции по пушкинской графике, я вот так же выписал себе на листок эти имена из трех соседних онегинских строф и от неожиданности опешил: передо мною был список лиц, которые собрались вместе лишь однажды и только в одном месте — «над Невою льдистой». Это было в январе 1820 года на том самом совещании Коренной Думы Союза Благоденствия, на котором и начался раскол, приведший позднее к самороспуску Союза.

Известны два заседания: у Федора Глинки и Ивана Шипова. На первом Никита Муравьев прочитал доклад

«О средствах ввести в России народное правление». Средства — восстание и цареубийство.

«Беспокойному» возражал «осторожный». Илья Долгоруков поссорился там с Никитой Муравьевым, на второе заседание уже не пришел, и связь с заговорщиками оборвал.

Планы цареубийства так и остались «резким витийством» и «дерзкими (вариант — «резкими») предложениями» Михаила Лунина.

Не упомянуты у Пушкина лишь трое из известных нам участников того совещания — Шипов, Глинка и Федор Толстой. Можно допустить, что их имена были в недоделетевших до нас строках, но, скорее всего, об этих, тихо отошедших от Общества, поэт мог и не вспомнить. Другое дело — пустившийся в горячую полемику (чем и запомнился!) и порвавший порвавший с кружком заговорщиков «осторожный» Долгоруков.

Следователи до многого не докопались.

Известно, что Якушкин приезжал в Петербург именно в январе 1820 года. Там он и познакомился с Пушкиным у Чаадаева. И вывод, сделанный М. В. Нечкиной об участии Якушкина в «цареубийственном» совещании подтверждается строками «славной хроники», то есть поэтическим свидетельством не последнего очевидца тех бдений — Александром Сергеевичем Пушкиным.

Нет, он не присутствовал ни на первом (у Глинки), ни на втором (у Шипова) заседаниях. Но заседаний было, вероятно, не одно и не два. Во всяком случае Пушкин называет еще два адреса — у Никиты и у Ильи. У кого-то из них он и читал свои «Нозли» и, если верить пушкинскому признанию в черновике (неотправленного, впрочем) Александру I письма, сам вынашивал цареубийственные замыслы.

Не став декабристом в 1825-м, он в 1820-м фактически был им.

Впрочем, позволим себе пространную цитату из комментария Ю. М. Лотмана к XIV строфе:

«Строфа посвящена не заседанию Северного общества, а собранию менее конспиративного Союза Благоденствия. Как свидетельствует опубликованное в 1953 г. М. В. Нечкиной показание декабриста Горсткина, Пушкин на таких заседаниях бывал и, действительно, выступал там с чтением своих „ноэлей“. И. Н. Горсткин показал на следствии: „Потом стали у некоторых собираться сначала охотно, потом с трудом собирается человек десять, я был раза два-три у к.<нязя> Ильи Долгорукого, который был кажется одним из главных в то время, у него Пушкин читывал свои стихи, все восхищались остротой, рассказывали всякий вздор, читали, иные шептали, и все тут; общего разговора никогда нигде не бывало <...> бывал я на вечерах у Никиты Муравьева, тут встречал частенько лица, отнюдь не принадлежавшие обществу“»

Словом, — «забавы взрослых шалунов». Горсткин неумело, но весьма эффективно оправдывается перед следователями, мол, у Долгорукова и Муравьева собирались не одни заговорщики. (Логика тут примерно такая: мы ничего не украли, потому что среди нас были те, кто о нашей краже и не знал.) Но из показаний Горсткина становится очевиден не только факт знакомства Пушкина с Ильей Долгоруковым, но и деятельного участия поэта в ранних декабристских сходках.

Пушкин описывает не то, что он знает с чужих слов, но то, чему он сам был свидетелем. И это дает право поставить себя в предпоследней строфе «славной хроники» между «цареубийцами» — Луниным и Якушкиным.

Мы знаем, что лунинский план царевубийства («обреченный отряд» или «партия в масках») относится к 1816 году, а предложение Якушкина к 1818-му. Так установило следствие. Зная цену исторической подробности Пушкин уточняет: «резкие» предложения были подтверждены Луниным и Якушкиным в январе 1820 года, когда Никита Муравьев прямо назвал те «средства», которыми, по его разумению, только и можно ввести в России республику.

Мы сами придумали, что строка «Они за рюмкой русской водки...» — это про 1825 г., про «русские завтраки» Рылеева.

Но, во-первых, — декабристы пили русскую водку (а какую еще?) и до того, как Иван Пущин принял в Общество Кондратия Федоровича (да и на самих «русских завтраках» Пушкин по причине своей ссылки в Михайловское не бывал). А во-вторых, — поэт не хроникер, у него своя логика и своя *поэтическая* мотивация событий.

При этом в Десятой главе, как и в пушкинской жизни, «льдистую Неву» действительно сменяет «тенистая Каменка». Повторим: в мае Пушкина ссылают на юг, в ноябре он гостит в Каменке у генерала Раевского-старшего, а ровно через три месяца, в феврале 1821 г. (даты сближены, как смежные стихотворные строки) попадает в Тульчин, где, как резонно полагают исследователи, знакомится с Пестелем. (Общение с ним будет продолжено и после, в Кишиневе.)

Параллелизм петербургской и украинской строфы налицо: там «беспокойному Никите» не удалось убедить «осторожного Илью», здесь Муравьев не сумел склонить генерала Раевского.

Да, конечно, на юге у заговорщиков «дела иные». И не только потому, что северяне «умереннее». В октябре того

же 1820 года для них полной неожиданностью станет восстание Семеновского полка. Шанс на бескровную, как сказали бы теперь *бархатную* революцию, будущими декабристами был упущен. Роспуск Союза Благочестивия был не только избавлением от «негорючего» балласта. Появление двух «обществ» — Северного и Южного — знаменовали собой новый, уже глубоко конспиративный этап заговора.

Хотя южане и были радикальней северян, *иные дела* с этого времени пошли не только на русском юге. В дневнике 1821 г. Пушкин запишет: «О<рлов> говорил в 1820 г.: революция в Испании, революция в Италии, конституция здесь, конституция там... Господа государи, вы сделали глупость, свергнув Наполеона».

Попав на юг после семеновского восстания, Сергей Муравьев-Апостол станет всерьез «торопить» события. И... поднимет Черниговский полк спустя две недели после картечи на Сенатской, но это будет уже не революция, а *выступление* — акт личного отчаяния и мужества.

Иная позиция у Пестеля. Он медлит, ибо выжидает.

Но домедлится до того, что даст себя арестовать накануне 14 декабря. За что ему-то петля? За его «Русскую правду», или за то, что он и внешне *казался* похож на Наполеона? (Этого сходства боялись и друзья-заговорщики, и власть.)

* * *

Гений — друг парадоксов. В Десятой главе слабый и лукавый русский царь оказывается победителем «мужа судьбы» Наполеона.

Напомним, что четыре строки из «Героя» (тот же 1830 г.) стали ключом к расшифровке Пушкинского шифра. В этих стихах о Наполеоне они звучат так:

Всё он, всё он — пришлец сей бранный,
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

Мы не ведаем, вошло ли в текст Десятой главы чуть измененное двустипшие из того же «Героя»: «Измучен казнию покоя, / Осмеян прозвищем героя», но в 1830 г. для Пушкина оно, видимо, является ключом к образу Бонапарта. «Прозвищем героя» нельзя осмеять смертного. Но речь не о человеке, а о «муже судьбы», о титане, даровавшем человечеству огонь, то есть о том, кто по рождению ровня не просто богам, а самому Зевсу, и чей подвиг носит даже не цивилизационный, а культурообразующий характер, и потому заведомо выше любого героического поступка. И архетип мученической «казни покоя» — вечная пытка прикованного Прометея. Разница лишь в том, что Прометея через тридцать тысяч лет с кавказской скалы освободил Геракл, а Наполеон на океанской скале так и не дождался своего избавителя.

В 1830 г. для Пушкина Наполеон — не просто титан, как, скажем, Петр I (см. первый стих XI строфы), но — *Первый Титан новейшего времени*. Того времени, которое не выдохнется и через полтора века. Здесь, кажется, уместно вспомнить байку о советском цензоре, который в 70-х годах XX века вычеркнул из газеты фразу «Маркс — титан мысли» (на том основании, что титан — стратегический металл.)

Цепочка парадоксов, построенных на онегинском *противодействии* воды и камня, а льда с пламенем, насквозь прошивает Десятую главу:

Прометей украл с Олимпа небесный огонь и подарил его человечеству. Наполеон, первоначально титан

и даритель священного огня свободы, не придумал ничего лучшего, как сжечь Москву.

Освободив Европу от тирана, русские могут лишь надеяться на «авось»: они были и остаются рабами в собственной стране. Их царь становится главой европейской реакции, а падший и заточенный на Святой Елене тиран завещает народам свободу.

Александр I на конгрессе Священного Союза грозит унять Европу русскими штыками, но как раз во время заседания получает известие о восстании в Петербурге его любимого Семеновского полка. Восставшие отправляются в Петропавловскую крепость и сами себя арестовывают.

Европа присмирела, революции умерли, а в России горстка дворян начинает бредить «искрой пламени инова» (то есть не Наполеоновского), вынашивая революционные планы и желая освободить крепостных. При этом дворяне готовят бунт и царевбийство, а русский царь, все зная, «кутит» и одновременно «дремлет».

Из парадоксов состоит вся стиховая ткань «славной хроники». И недаром в Лондоне декабрист Николай Тургенев свирепо обиделся на Пушкина, когда брат Александр прислал ему в августе 1832 года из Мюнхена несколько строк из той строфы, в которой упоминался сам Николай Иванович:

«Есть тебе и еще несколько бессмертных строк о тебе. Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России, возмущение 1825 года и упоминает, между прочим, и о тебе:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал,

И плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

В этой части есть прелестные характеристики русских и России, но она останется надолго под спудом. Он читал мне в Москве только отрывки».

Пушкин и Тургенев встречались в декабре 1831 г. Тургенев утверждает, что строфы «славной хроники» вместе с путешествием Онегина входили в одну главу. Но он слышал «только отрывки», а это значит, что и единого текста, объединяющего путешествие Онегина и строфы «славной хроники» не было.

Против стиха «...им внимал» Александр Иванович приписывает: «т. е. заговорщикам; я сказал ему, что ты и не внимал им, и не знавал их».

Письмо А. И. Тургенева было послано 11 августа, а уже 20-го брат отвечает ему:

«Сообщаемые вами стихи о мне Пушкина заставили меня пожать плечами. Судьи меня и других осудившие делали свое дело: дело варваров, лишенных всякого света гражданственности, цивилизации. Это в натуре вещей. Но вот являются другие судьи. Можно иметь талант для поэзии, много ума, воображения, но при этом быть варваром. А Пушкин и все русские, конечно, варвары...»

Почему обиделся Николай Иванович, будет понятно, если вообразить, как именно преследовал свой идеал «хромой Тургенев». Ирония истории в том, что Тургенев — это единственный из осужденных Верховным судом заговорщиков, который во время восстания оказался вне России и избежал ареста. То есть, говоря по-русски, — вовремя *унес ноги*.

Сохранился рассказ о том, как Александр Иванович Тургенев, улучив случай, спросил царя, надо ли его

брату возвращаться? Николай I ответил, мол, если спрашиваешь меня как императора, скажу — да, надо, а если как частное лицо, — лучше бы ему не возвращаться.

А. И. Тургенев, а вслед за ним и многие историки, умилены ответом царя. И лишь один человек, тот самый, которого сам Николай I назвал «умнейшим мужем России», мог растолковать другу, в чем же истинный смысл николаевского высказывания.

Пушкин понимал, что как «частное лицо» Николай Павлович, может быть, и хотел бы своими руками задумать оказавшегося недоступным ему заговорщика. Но как государь Николай I не мог не понимать, что, если в некий прекрасный день по сходням с английского корабля проковьяляет заочно осужденный Верховным судом Николай Тургенев, случится катастрофа. Ибо совершенно не понятно, что с ним делать и где ставить знаменитую запятую во фразе «казнить нельзя помиловать».

Простить, — создать прецедент и дать надежду на прощение и тех, кто томится в Сибири. Судить во второй раз — невозможно. Заточить в крепость — выказать свое жестокосердие.

Живые противоречия человеческой психологии и роковой «силы вещей» увлекают поэта. Ну разве не парадоксально, что на цареубийство вызываются и «меланхолический Якушкин», и «вдохновенно бормочущий» трезвый Лунин? Значит, и портреты их должны быть парадоксальными.

С. М. Бонди обнаружил в рукописях поэта набросок начала IX строфы, сделанный году в 1834-м:

Царя любовные затеи
. демон поджигал
Тряслися [грозно Пиренеи.
Волкан Неаполя пылал]

Современники знали, что речь идет о любовнице Александра I (а по совместительству австрийской шпионке). Пушкин — не Лев Толстой. Он полагает, что любовная тряска в одной, отдельно взятой монаршей постели, может привести не только к раскачиванию тронов, но и к таким последствиям, рядом с которыми даже извержение Везувия — суцая ерунда.

Двусмысленны и строки о «склоняющем» старого генерала и «напором дерзости и сил» торопящем «минуту вспышки» Муравьеве-Апостоле (если тот не был казнен, наверняка тоже попенял бы Пушкину), а «меланхолический Якушкин» с его «царевубийственным кинжалом» — очень напоминает себялюбивого подростка.

Другое дело — «друг Марса, Вакха и Венеры». В характеристике Михаила Лунина поэт пародирует одну из державинских од. У Державина Потемкин назван «Друг честности и друг Минервы». Но там о царедворце и друге царицы (впрочем, друге отчасти тоже по департаменту Венеры), а тут речь о гвардейском офицере, намеревающемся своими *решительными* мерами прервать жизнь того, кому Державин и посвятил «Оду *Решемыслу*».

* * *

За столом Модзалевского держу в комнате-сейфе Пушкинского Дома желтый толстый лист с шифром Десятой главы. С обратной, незаполненной стороны на нем отпечатались какие-то строки.

В середине 80-х Натан Эйдельман попросил меня связаться с криминалистами и узнать, есть ли способы прочесть то, что было написано на втором листе пушкинского шифра?

Криминалисты лишь развели руками: это пока не в наших силах. И журналист Павел Гутионтов свел меня с секретными учеными, работавшими «в оборонке».

Ученые, еще вполне молодые люди, осведомились о составе пушкинских чернил и пообещали вырастить некую биокультуру, которая будет питаться только орешковыми чернилами. («Если хочешь, можем сделать так, что она будет фосфоресцировать...») Эту культуру оборонщики и предложили нанести на обратную сторону листа с шифром.

— А потом ваш «грибок» переползет на другие рукописи и, съев Пушкина, примется за Толстого?

Условились, что подождем, когда возможно будет получить информацию бесконтактным методом.

С тех пор всякий раз, когда я слышал об изысканиях астрономов, установивших по спектрограмме химический состав еще одной дальней звезды, перед моими глазами вставала обратная сторона листа с онегинским шифром.

И только в 2003 году я убедился, что, даже если наши потомки (году эдак в 2090-м) при помощи самых современных для их времени методов смогут считать информацию с оборотной стороны этого листа, новых строк из сожженной главы они там не обнаружат.

Потому что в данном случае лист с шифром был только один: поэту слишком быстро надоело заниматься столь странным и нудным делом, его не хватило даже на то, чтобы зашифровать до конца первые четверостишия первых шестнадцати строф «славной хроники». В тот болдинский день он прервал неудавшуюся свою попытку ради иных дум и текстов.

* * *

Зачем онегинской строфою
Его тетрадку заполнять,
Пугать читателя собою
И пушкиниста искушать?

Зрачок зелёный или карий
(См. об этом комментарий) –
Не суть... Не видел – не спешу,
У Лотмана перепиши.
Там, где Цявловский сопоставил,
Или Дубровский уточнил,
Поверх орешковых чернил
Лить воду надо в рамках правил.
Ах, наше всё... Глагол времён –
Пушкиноведенья канон.

...И так ли уж прав Натан Эйдельман, любивший повторять, что каждое следующее поколение старше предыдущего на одно поколение?

Р. С. Не могу не помянуть тех, кто на разных этапах этой работы ее поддержал – Сергея Михайловича Бонди, Давида Самойлова, Андрея Синявского, Александра Аронова, Валентина Берестова, Натана Эйдельмана, Анатолия Кобенкова, Григория Бакланова, Станислава Рассадина, Вадима Черняка, Александра Борщаговского, Евгения Рябинина, и не сказать спасибо Марье Васильевне Розановой, Алле Фрумкиной, Надежде Тарховой, Рэдмоне Жуйковой, Александру Анно, Нине Аршакуни, Олегу Хлебникову, Александру Кушнеру, Анатолию Головкову, Михаилу Яснову, Павлу Гутионтову, Ирине Сурат, Елене Дьяковой, Марии Игнатъевой, Андрею Анпилову, Николаю Беляку, Марку Борнштейну, Сергею Арцибашеву, Дмитрию Крымову, Сергею Эрлиху и сотрудникам Пушкинского Дома – Сергею Лунцу, Сергею Фомичеву, Александру Дубровскому и Марии Виролайнен.

А еще спасибо Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, который на мой прямой вопрос прямо и ответил: «Ну, все-таки не Пушкин...»

ИССЛЕДОВАНИЯ О X ГЛАВЕ

Томашевский Б. В. Десятая Глава «Евгения Онегина»: История разгадки // Литературное наследство 16/18. М., 1934. С. 379–420.

Лотман Ю. М., Лотман Мих. Ю. Вокруг Десятой главы «Евгения Онегина» // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1986. С. 124.

Фомичев С. А. Десятая глава «Евгения Онегина»: (Проблемы реконструктивного анализа) // Русская литература. № 3. 2003. С. 70–87.

Чернов А. Ю. Длятся ночи декабря. Поэтическая тайнопись: Пушкин – Рылеев – Лермонтов. СПб, 2008. Второе издание можно скачать с сайта:

www.chernov-treznin.narod.ru/DND/DND_BOOK_web.pdf.

Статьи, опубликованные в электронном журнале «Несторiana» (www.nestoriana.wordpress.com):

Сто пушкинских рисунков из Ушаковского альбома (1829–1830);

Портретист А. С. Пушкин. Часть Первая. Портретная галерея современников;

Портретист А. С. Пушкин. Часть Первая. Семья, родня и несколько автопортретов;

О свободе и лицейском братстве.

Александр Пушкин
X ГЛАВА «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»
Версификация и комментарии Андрея Чернова

Верстка и оформление:
Наталия Введенская

Подписано в печать 1.11.2013.
Формат 60×84/16. Тираж 500.
Гарнитура NewBaskervilleC.
Бумага офсетная.

Отзывы и комментарии можно передать автору по почте:
trezin@yandex.ru

Отпечатано
ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
М.О., г. Подольск, Революционный проспект, 80/42
Тел./факс: 8 (4967) 63 71 32
www.ofsetpodolsk.ru

ISBN 978-5-7151-0386-4